

РАЗЛОМ ЛАЗУРНЫХ НЕБЕС IV

Лазурное Зеркало

РОМАН

Кирилл Прикота

Разлом Лазурных Небес 4

<https://litres.ru/74625924>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три трещины в небе закрыты не будут: их было девять. Через полгода после победы над Бездной Йе Хань замечает, что печать на кольце тянет из него силы, а золотой шрам над столицей слабеет. Тут в порт приплывает белая лодка без паруса. В ней девушка с синим узором на ладони: этот рисунок, по словам духа Сюаня, нарисовал он сам. Но на южный остров за Штормовой стеной он не попадал никогда. Отряд идёт за стену, где нет ветра и небо слишком безупречно. На острове каждые несколько лет приносят в жертву юную Деву, и небо остаётся чистым. Йе Хань видит, что Девы, как и он, рождаются с «пустыми» меридианами. Узнать, чем на самом деле питается Лазурь, ему предстоит прежде, чем наступит день жертвоприношения.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Кирилл Прикота

Разлом Лазурных Небес 4

Глава

СОДЕРЖАНИЕ

- Глава 1. Лодка без паруса*
- Глава 2. Солёная Хэ*
- Глава 3. Штормовая стена*
- Глава 4. Лазурное Зеркало*
- Глава 5. Столп Неба*
- Глава 6. Хранилище Имён*
- Глава 7. Память Зеркала*
- Глава 8. Чёрный парус*
- Глава 9. Меч без ветра*
- Глава 10. Семьсот три ступени*
- Глава 11. Небо под водой*
- Глава 12. Ван Янь*
- Глава 13. Голос Голода*
- Глава 14. Нижняя половина*
- Глава 15. Раскол Небес IV*
- Глава 16. Девять трещин*
- Глава 1*
- Лодка без паруса*

Полгода мира оказались тяжелее, чем год пути.

Йе Хань понял это в ту ночь, когда проснулся от холода — не от обычного, сквозняком из щели под дверью, а от другого, идущего изнутри, из глубины груди, где за три года привычно жил ровный жар Меридиана Поглощения. Он лежал в темноте комнаты родового поместья в Ланьтяне, смотрел на балки потолка и слушал, как за ставнями шелестит весенний дождь, и чувствовал, как внутри него, в самом центре духовного моря, что-то мерно, глухо тянет — как тянет невидимая рука за нитку, привязанную к далёкому-далёкому колоколу.

Раз. Пауза. Раз. Пауза.

Не боль. Скорее память о боли, которая ещё не наступила.

Он поднялся, подошёл к окну и распахнул ставни. Дождь пах мокрой черепицей и цветущей сливой, где-то в соседнем дворе лениво перекликались ночные сторожа, а над крышами столицы, едва различимый в тучах, тускло тлел золотой шрам старого Раскола — тот самый, что видели ещё предки предков, и рядом с ним, чуть ниже и бледнее, свежий рубец, оставленный три года назад над Ланьтянем. Йе Хань смотрел на них и в который раз думал, что небо над городом выглядит как плохо зажившая рана, и что он сам — один из тех, кто эту рану

оставил.

На подоконнике, там, где его ладонь легла на дерево, проступил тонкий иней. Весной. Посреди дождя.

Он убрал руку и долго смотрел, как узор из ледяных иголок медленно тает.

Не делай такое лицо, — донёлся из кольца голос, тихий и сонный, будто Тень Сюань говорил сквозь толстое одеяло. — Ты выглядишь как человек, который нашёл у себя в рисе таракана и пытается понять, к добру это или к худу.

— Это ведь не к добру, — сказал Йе Хань вполголоса.

Это к печати, — проворчал дух. — Она ещё не села на место. Срослась кость, мальчик, но срослась не сразу вся: ей нужно время, чтобы привыкнуть к новому весу. Ты привыкаешь тоже. Холод — просто цена привычки. Через год пройдёт.

— Ты говорил то же самое три месяца назад.

Я стар, я повторяюсь. Это одна из немногих привилегий возраста.

В голосе духа не было прежней насмешливой упругости — одна усталость, мягкая, тёплая, как зола в очаге. Йе Хань уже привык к тому, что Тень Сюань теперь спит по двадцать часов в сутки, а просыпаясь, говорит скупо и словно издалека. Он стал тоньше. Не слабее — Йе Хань чувствовал это совершенно ясно, — а именно тоньше, как становится тоньше нить, когда её растягива-

ют сразу на двоих. Часть духа навсегда осталась там, в Бездне, вплетённая в печать, и эту часть невозможно было вернуть. Иногда по ночам Йе Ханю казалось, что он слышит, как она зовёт.

— Ты хоть жалеешь? — спросил он вдруг, сам удивившись вопросу.

О чём?

— О том, что разделил печать. О том, что я тебя уговорил.

Тишина продлилась ровно столько, чтобы он успел пожалеть о сказанном.

Знаешь, что я делал десять тысяч лет? — наконец отозвался дух. — Считал. Первые тысячу лет — дни. Потом бросил: слишком много. Потом считал вздохи камня над собой. Потом — капли воды в трещине. А теперь я лежу в кольце, слышу, как мой наследник ворочается во сне и бормочет что-то про лепёшки, и мне некогда считать. Спи, мальчик. Если это жалость, то мне такой жалости ещё долго хватит.

Йе Хань улыбнулся в темноту, прикрыл ставни и вернулся на лежанку. Но заснуть ему так и не удалось. Он до рассвета слушал, как внутри мерно, глухо звонит далёкий колокол, и думал о том, что мир снова слишком тих.

Утром его разбудил знакомый кашель.

— Молодой господин изволит спать до полудня, — донёсся из-за двери скрипучий голос. — А чай, между прочим, остынет. Старик, который двадцать лет таскал чай на конюшню, знает цену горячему чаю лучше любого столичного лекаря.

— Лао Гэн! — Йе Хань распахнул дверь так резко, что старик едва не уронил поднос. — Ты почему не отдыхаешь? Йе Хун же велел, чтобы тебе никаких подносов.

— Йе Хун многое велит, — фыркнул Лао Гэн, ставя поднос на стол и неспешно, с достоинством человека, разминающего больные колени, опускаясь на табурет. — Старший молодой господин очень красиво командует. Только слуги в этом доме по-прежнему слушаются того, кто знает, где лежат дрова.

Он постарел за эти годы. Не так, как стареют люди, которых ломает горе, — а так, как стареет хорошее дерево: покрылся морщинами, потемнел, но стал ещё крепче держаться за землю. Три года назад, когда Йе Хань перевозил родню в столицу, старика пришлось почти уговаривать. «Что мне делать в вашем Ланьтяне? — ворчал он тогда. — Там даже конюшни чужие». Но поехал. И теперь распоряжался в столичном поместье так, будто его с рождения готовили на должность управляющего.

— Ешьте, — велел Лао Гэн, придвигая миску с горячей лапшой. — Худой вы, молодой господин. Вернулись с края

света худой, и полгода дома не прибавили. Госпожа Су Юэ тоже жалуется. Говорит, вы по ночам ходите и в окна смотрите.

— Госпожа Су Юэ слишком много обо мне рассказывает.

— Госпожа Су Юэ рассказывает ровно столько, сколько нужно, — невозмутимо сказал старик. — Не то что некоторые, которые уходят в горы на год, а вернувшись, думают, что никто не видит.

Йе Хань сел за стол и принялся за лапшу, чувствуя себя тем самым шестнадцатилетним мальчишкой, которого когда-то провозжали с котомкой в Забытую Пещеру. Лао Гэн некоторое время молча смотрел, как он ест, потом заговорил — медленнее, тщательнее подбирая слова, как человек, давно приготовивший то, что собирается сказать:

— Я вчера ходил на речной рынок. Старый друг там, лодочник из тех, что возят товары с юга. Говорит, в Гавани Тихих Вод — это у самого моря, три недели вниз по реке — третьего дня вытащили из воды лодку. Маленькую, белую, без вёсел и без паруса. А в лодке — девочку. Живую.

Йе Хань отложил палочки.

— Это обычное дело на побережье. Рыбаки вылавливают...

— Не рыбаки, — покачал головой старик. — Лодка

пришла с юга. Из-за Штормовой стены. Туда, говорят, никто не заходил со времён императора Цзин, а кто заходил — тот не возвращался. Лодочники прежде байки рассказывали: мол, за стеной ничего нет, только вода и небо. А тут — девчонка. И, говорят, у неё на ладони... — Лао Гэн замолчал и потёр собственную ладонь, будто проверяя, не чешется ли. — Говорят, знак. Как будто трещинка в небе, только синяя.

Что-то холодное и острое прошло у Йе Ханя вдоль позвоночника.

Повтори, — вдруг раздался в голове голос Тени Сюаня, уже совсем не сонный. — Пусть он повторит. Дословно.

Йе Хань попросил — и старик, удивлённо моргнув, повторил слово в слово. Когда он закончил, кольцо на пальце тихо, отчётливо потеплело.

Одевайся, — сказал дух. — Принцесса-регент прийдёт за тобой сегодня. Я бы не ждал, пока она прийдёт.

* * *

Ждать не пришлось.

К полудню у ворот поместья спешил гонец в синем — с печатью девятилучевой звезды, запылённый, со следами долгой скачки на форменном плаще. Он не стал передавать свиток через слуг, а потребовал лично молодого мастера Йе, и когда Йе Хань вышел, поклонился ему так, как не кланяются по протоколу, — чуть ниже и чуть торопливее.

— Её высочество просит прибыть в малый зал Совета, — выпалил он. — Немедленно. И просит взять с собой тех, кто ходил на восток.

Через час они были там — все пятеро, без дорожных плащей, в обычной городской одежде, которая теперь казалась непривычно лёгкой и чужой. Чэнь Лэй, как водится, опоздал на пять минут и вбежал последним, на ходу дожжёвывая пирожок.

— Я не виноват, — шепнул он Йе Ханю. — Меня остановил торговец, у которого лежал последний пирожок с капустой. Отказать ему было бы равносильно предательству.

— Ты и есть предатель, — прошептал в ответ Йе Хун. — Ты ешь в зале Совета.

— Это не зал Совета, это малый зал. Тут можно.

— Тут нельзя нигде, — сухо заметил Лин Фэн, не поворачивая головы.

Малый зал оказался не таким величественным, как главный — всего шесть колонн вместо девяти, невысокий потолок, расписанный облаками, и вместо трона у дальней стены стоял простой стол, за которым сидела принцесса-регент Юэ Лань в траурном синем. Рядом, как всегда, возвышались два старика: советник Пэй Жун, с лицом из белого нефрита, и тучный советник Гу, который, завидев вошедших, нахмурился так, будто ожидал очередного разговора про драконов на картах.

Но они смотрели не на вошедших.

В центре зала, на плитах, где обычно стоят просители, сидела на корточках девушка.

Совсем молодая — лет семнадцати, не больше. Худая, как дикая птица, с обветренной до красноты кожей и спутанными волосами цвета морского песка. На ней был плащ из грубой белой парусины, подпоясанный обрывком верёвки, на ногах — ничего. Она сидела, обхватив колени, и на звук шагов даже не повернула головы — смотрела в пол, и пальцы её левой руки, сжатой в кулак, мелко-мелко дрожали.

— Она не говорит ни с кем уже третий день, — вполголоса сказала Юэ Лань, поднимаясь навстречу. На ней не было ни тени парадности: в лице проступала усталость человека, который не спал над этой загадкой. — Ни с губернатором Гавани, ни с лекарями, ни со мной. Ест, пьёт, молчит. Только в первый день, когда её вытащили из лодки, она произнесла одну фразу. Единственную. — Принцесса остановилась перед Йе Ханем и посмотрела ему прямо в глаза. — Она спросила: «Где человек с чёрным кольцом?»

В зале стало очень тихо.

Девушка на плитах вздрогнула — всем телом, как вздрагивает испуганная лань, — и впервые подняла голову.

У неё были удивительные глаза — не синие и не серые,

а цвета неба в тот единственный час перед рассветом, когда оно уже не ночное, но ещё не дневное. Они скользнули по лицам стоящих: по Йе Хуну, по Су Юэ, по Лин Фэну, по Чэнь Лэю, всё ещё сжисмавшему надкусанный пирожок. И остановились на руке Йе Ханя — на левой, где, тёмное, холодное, сидело на безымянном пальце старое кольцо.

Она поднялась на ноги. Медленно, неловко, как человек, который слишком долго был в пути и разучился стоять. Шагнула вперёд. Ещё шагнула. И опустилась на колени прямо перед ним — так резко, что колени глухо стукнули о камень.

— Это вы, — прошептала она на языке, в котором равнинная речь странно перемешивалась с протяжным, певучим говором, похожим на тот, что Йе Хань слышал у старосты приграничного селения. — Вы пришли. Они говорили... они всегда говорили, что вы придёте с востока. С кольцом погасшей звезды. Я не верила. Я думала — сказка, чтобы нам не страшно было.

— Встань, — тихо сказал Йе Хань, нагибаясь к ней. — Как тебя зовут?

— Цин Мяо. — Она не встала. — Я Лазурная Дева с Острова Лазурного Зеркала. Была ей. Пока не убежала.

Советник Гу издал неопределённый звук, но принцесса-регент подняла ладонь — и он умолк.

— Говори, — сказала Юэ Лань. — Всё, что говорила

бы мне. Но теперь здесь тот, кого ты искала.

Цин Мяо глубоко вздохнула, будто собираясь нырнуть, и разжала кулак.

На её левой ладони, от основания большого пальца до самой середины, пролегла тонкая синяя линия — зубчатая, неровная, ветвящаяся, как молния, как трещина на льду, как узор на старом фарфоре. Она не была нарисована или вытатуирована: она светилась изнутри, ровным прохладным лазоревым светом, и свет этот пульсировал. Раз. Пауза. Раз. Пауза.

В том же ритме, в каком пульсировал колокол внутри Йе Ханя.

— У каждой Девы такая, — сказала она. — Её дают при рождении, когда Дом Лазури выбирает того, кто понесёт небо. Чем старше — тем длиннее трещина. Когда она дойдёт до края ладони, это значит... — Она сглотнула. — Это значит, срок. Через сорок шесть дней — Зеркальный Прилив. Мой день. Мне должны были надеть белое, отвести к Столпу и... — Голос оборвался. — Меня учили, что это честь. Что я растворюсь в небе и небо останется чистым, лазурным, без единой тучи, ещё на четырнадцать лет. Что так было семьсот раз.

— Семьсот? — не удержалась Су Юэ.

— Семьсот три. Я должна была стать семьсот четвёртой.

Никто не проронил ни слова.

— Я убежала за три дня до Прилива, — продолжила Цин Мяо, глядя куда-то в сторону, будто в нескончаемую даль, которой не было в этом зале. — Ночью. Взяла лодку, на которой хоронят отслужившие снасти. Я никогда не была за пределами острова. Я не знала, куда плыть. Я просто хотела... — Она осеклась и вдруг заплакала — тихо, без всхлипов, как плачут люди, давно привыкшие не показывать слёз. — Я просто хотела дожить до весны. Мне было семнадцать. Я хотела увидеть весну по-настоящему, не в окне.

Чэнь Лэй, к чести его, молча спрятал пирожок за спину.

— И что произошло, когда ты уплыла? — спросил Йе Хань.

— Небо треснуло.

Это было сказано так просто, что поначалу смысл не дошёл до слушателей. Потом советник Пэй Жун медленно подался вперёд.

— Как это — «треснуло»?

— Так, как оно не трескалось никогда на памяти острова. — Цин Мяо вытерла лицо рукавом. — На третий день в море, посреди Штормовой стены, я оглянулась и увидела над островом... — Она подняла руку и провела пальцем в воздухе тонкую зигзагообразную линию. — Чёрную нить. На самом лазурном небе, которое всегда, всегда чистое. Она росла, пока я смотрела. А потом

шторм проглотил остров, и я не знаю, что там теперь. Она подняла глаза на Йе Ханя.

— Если я не вернусь, на моё место поставят Цин Сяо. Мою сестру. Ей одиннадцать. Старшие говорят, её трещина короче, но Хранители всегда выбирают запасную, когда Дева бежит. Законы острова это допускают. Я не прошу за себя. Я не знаю, что вы умеете и что можете. Мне сказали только, что вы закрыли небо над Ланьтянем. Закройте и наше. Прошу вас. Мою сестру нельзя отдавать небу, пока вы не посмотрите, что оно на самом деле делает с теми, кого ему отдают.

Последняя фраза прозвучала странно. Не как заученная просьба, а как мысль, которую она не раз прокручивала в голове в долгие ночи на воде. Йе Хань уловил это сразу и, видимо, не он один: он почувствовал, как Су Юэ чуть заметно подалась вперёд.

— Ты думаешь, что они ошибаются? — спросил он тихо. — Что жертва ничего не даёт?

— Я думаю... — Цин Мяо замолчала, подыскивая слова. — Я думаю, что мне семнадцать лет. И что за семнадцать лет я ни разу не видела, чтобы небо над островом хоть на миг становилось счастливым. Оно всегда было одно и то же. Совершенно синее. Совершенно... довольное. А вы когда-нибудь видели довольное небо?

В кольцо на пальце Йе Ханя что-то дрогнуло — резко, всем существом, как вздрагивает человек, которого

окликнули по имени на пустой улице.

Поддай мне её руку.

— Что?

Подведи её руку к кольцу, мальчик. Сейчас же.

Йе Хань, ничего не объясняя, протянул левую руку — и Цин Мяо, не отрывая от него глаз, доверчиво вложила в неё свою. Синяя трещина на её ладони и тёмный металл на его пальце оказались рядом.

Кольцо вспыхнуло золотом — коротко, жарко, на один удар сердца. А трещина на ладони девушки в ответ плеснула лазурью, да так ярко, что по стенам малого зала на мгновение побежали голубые блики.

А потом перед ними встал Тень Сюань.

Он проявился над кольцом всем телом — прозрачный, дымчатый, тоньше, чем прежде, с острым лицом, на котором впервые за много месяцев не было ни тени иронии. Советник Гу охнул и попятился. Принцесса-регент не двинулась с места — она уже видела духа. Цин Мяо вскрикнула и закрыла лицо руками.

Но Тень Сюань не смотрел на неё. Он смотрел на узор на её ладони, и в пустоте его зрачков плавали крошечные звёзды, замершие, как замирает дыхание.

— Это мой почерк, — сказал он тихо. — Это не просто метка. Это моя печать. Мой рисунок, мои линии, моя рука, которой я десять тысяч лет назад запечатывал Врата на востоке. Каждый изгиб. Каждый разветв-

ляющийся шов.

— Но ты же был... — начал Йе Хань.

— Я никогда не был на юге. — Дух медленно поднял на него глаза, и в них стояло что-то, чего Йе Хань не видел даже в Бездне, — растерянность. — Я никогда. Не был. На юге. Я не знаю этого острова. Я не знаю этих людей. Я не учил этому рисунку никого. — Он помолчал. — Но кто-то на другом краю мира скопировал мою печать. Не меня — до меня. Раньше, чем я её создал.

В зале стояла такая тишина, что слышно было, как за окном капает с карниза дождь.

Кто-то запечатал что-то на юге, мальчик, — донёсся уже в самом сознании Йе Ханя голос духа, глухой и тяжёлый. — И сделал это моей рукой. Только моя ли это рука — вот о чём мне сейчас страшнее всего думать.

Глава 2

Солёная Хэ

Принцесса-регент не стала тянуть.

Мандат, на который три года назад ушло пять дней споров, выписали за один вечер. Советник Гу, увидев синюю трещину на ладони девушки и услышав, как дух Императора Пустоты признаётся, что не помнит собственного замысла, неожиданно для всех первым сказал: «Ваше высочество, при всём моём скепсисе... кажется, я начинаю уважать драконов на картах». Юэ Лань урони-

ла кисть, подняла глаза к потолку, словно моля небо о терпении, и тихо ответила: «Советник Гу, если вы так скажете ещё раз, я назначу вас начальником экспедиции».

Советник Гу замолчал и больше возражений не высказывал.

Дорога к морю заняла двадцать дней. Не верхом, как на восток, а по Великой реке — на широкой императорской барже с плоским дном, которую тянули два десятка гребцов и ещё столько же шли берегом на бечеве, когда ветер стихал. Ланьтянь остался позади в первый же вечер — золотые крыши, синий дым очагов, двойной рубец в небе, — и дальше потянулись равнины, рисовые террасы, деревни с остроконечными крышами, затопленные весенним разливом поля, в которых отражались облака.

Цин Мяо в первые дни не покидала каюты. Су Юэ ухаживала за ней, как ухаживают за птицей, выпавшей из гнезда: поила травяными отварами, меняла повязки на стёртых о весло ладонях, по ночам сидела рядом, пока девушка не заснёт. Но молчание Цин Мяо мало-помалу таяло. На пятый день она впервые выбралась на палубу и долго стояла у борта, глядя, как мимо плывёт берег — зелёный, пахнущий землёй, живой.

— У нас нет травы, — сказала она наконец, ни к кому не обращаясь. — Только белый камень, вода и небо. Хранители говорят, что деревья отвлекают мысли от

Лазури.

— Хранители многое говорят, — заметил Чэнь Лэй, подходя и опираясь на борт рядом с ней. — Зато у вас, наверное, нет и сорняков. Мой дядя из-за сорняков чуть не продал дом.

Цин Мяо повернула голову и посмотрела на него с таким серьёзным удивлением, что Чэнь Лэй на секунду потерял нить собственной шутки.

— Что такое «дом, который продают»? — спросила она.

Чэнь Лэй открыл рот, закрыл его, потёр шею.

— Это... долго объяснять, — признался он. — Потом расскажу. Когда не будет так красиво. Красивое всегда плохо перебивать шутками.

К вечеру она уже смеялась его шуткам. Впервые.

* * *

Йе Хань не любил смотреть на воду. Не потому, что боялся — просто река, слишком спокойная и слишком широкая, отражала небо так точно, что порой казалось, будто они плывут по облакам. А в небе...

В небе над баржей по-прежнему висели два шрама — золотой и багровый, только теперь, на юге, они становились всё тоньше и бледнее, а рядом с ними, на самом краю зрения, иногда проступало что-то третье, слишком слабое, чтобы разглядеть, — как волосок на стекле, как первая седина.

Ночью, когда баржа тихо стояла на якоре посреди реки, а гребцы спали вповалку на досках, он сидел на корме и пробовал то, чему учил его Тень Сюань с тех пор, как они вернулись из Бездны.

— Дыши в два такта, — бормотал дух, не показываясь, зато голосом вполне отчётливым. — Не в один. Теперь тебе нужен не вдох-выдох, а вдох-отдача-вдох-покой. Печать берёт твоё дыхание. Не дай ей забрать всё. Оставь себе половину.

— Какую половину?

Ту, что не твоя. Когда ты дышишь, ты вдыхаешь ци мира. Её половину оставь миру. Чтобы то, что ты сделал, не превратилось в ошейник.

Йе Хань пробовал снова и снова. Это было не похоже на прежние тренировки: тело не раскрывалось, как цветок, а скорее училось ходить по ледяной корке — легко, осторожно, не доверяя ни одному шагу. Меридиан Поглощения, давно привыкший глотать всё, что оказывалось рядом, теперь вёл себя иначе: он жил как зверь, которому показали новую клетку и объяснили, что она больше прежней, но клетка остаётся клеткой.

— Ты хоть чувствуешь прогресс? — спросил он.

Чувствую, — признался дух. — Вчера ты не заморозил подоконник. Сегодня — не заморозил даже воду в чаше. Это, знаешь ли, достижение. Мне понадобилось четыреста лет, чтобы научиться не замораживать воду

в чашах, пока я не научился печатям. Но я был глупее.

— Ты никогда не был глупым.

Ты не видел меня в двести лет.

Йе Хань тихо рассмеялся. Над рекой плыла луна, отражённая в воде так ровно, что их было две; где-то у берега перекликались лягушки.

— Тень Сюань, — сказал он. — Про печать на ладони Цин Мяо. Ты думал об этом?

Пауза.

Каждую секунду.

— И?

Есть три объяснения. — Голос духа стал сухим, деловитым, как у лекаря, перечисляющего болезни. — Первое: кто-то, видевший мою печать — в виде отпечатка, эха или рисунка, — скопировал её много позже, сам, по образцу. Но тогда рисунок был бы ломаным, неточным, и Цин Мяо не смогла бы им резонировать с кольцом. Я бы узнал руку подражателя. Здесь же рука моя.

— Второе?

Второе: я забыл. — Он замолчал надолго. — Десять тысяч лет — срок достаточный, чтобы выбросить из памяти половину жизни. Я и впрямь не помню, чтобы плыл на юг. Но я помню, что в последние годы войны была пара месяцев, когда я потерял сознание от ран и очнулся лишь через несколько недель. Юэ Чэн говорил, что я в бреду чертил что-то на полу пещеры. Я списал это

на горячку.

— А третье?

Третье — самое неприятное. — Дух помедлил. — Печать на Вратах была не первой. Не потому что я её не создал, а потому что я создавал её, повторяя чужой узор. Мне кто-то показал, как это делается. Я не помню кто.

Йе Хань молча слушал, как вода тихо плещет в борт.

— Ты думаешь, был кто-то ещё? До тебя?

Я думаю, — медленно произнёс Тень Сюань, — что слишком долго считал себя единственным. А этот остров... Лазурное Зеркало... — Он умолк. — Знаешь, как в старину называли небо на языке равнин, ещё до того, как оно расколосось? «Лазурные Небеса». Не «синие». Лазурные. Особенный цвет, которого больше нет в мире. Мне всегда казалось, что это красивое слово из песен. Теперь я начинаю подозревать, что это название места.

* * *

На восемнадцатый день река вынесла их в дельту, и мир вокруг разом переменялся.

Воздух стал плотным и солёным, трава на берегах — жёсткой и серебристой, птицы — белыми, с длинными изогнутыми крыльями, которых Йе Хань прежде никогда не видел. Сквозь мглу над горизонтом проступила тёмная линия, неподвижная, ровная, непохожая ни на одну гору, — и Чэнь Лэй, перегнувшись через борт, выдохнул:

— Это море.

— Это ещё не море, — поправил его Лин Фэн. Голос мечника прозвучал странно напряжённо. — Это лишь берег.

Он стоял, вцепившись в поручень побелевшими пальцами, и лицо его, всегда бесстрастное, приобрело странный зеленоватый оттенок. Йе Хун, подойдя, уставился на него с живым и неподдельным интересом.

— Лин Фэн. Ты бледный.

— Нет.

— Ты зелёный.

— Это игра света.

— Света нет, — вмешался Чэнь Лэй, расплываясь в самой ангельской из своих улыбок. — Сейчас пасмурно. Лин Фэн, дорогой, — тебя, случайно, не укачивает?

— Меня не укачивает. — Мечник клана Ветра сделал над собой титаническое усилие и выпрямился, почти не дрожа. — Я просто задумался.

— О чём?

— О том, что вода... — Он сглотнул. — Двигается.

Чэнь Лэй издал звук, средний между всхлипом и торжествующим воплем, и тут же получил удар локтем в рёбра от Су Юэ.

— Не смей, — прошипела она. — У человека горе.

— Горе?! У него впервые за всё путешествие есть слабость! Позволь мне хотя бы...

— Нет.

— Хотя бы одну маленькую шутку...

— Чэнь Лэй.

— Молчу, — сдался он с таким видом, будто его лишили любимого блюда. — Молчу, молчу. Просто хочу, чтобы все запомнили этот день.

Лин Фэн молча смотрел на дельту, и по его лицу было видно, что он тоже запоминает этот день — и не собирается его прощать.

Гавань Тихих Вод оказалась городом, о котором не слажают песен, но который, тем не менее, держит на плечах пол-юга. Десяток каменных причалов, лес мачт, лабиринт складов, пахнущих смолой, сушёной рыбой и пряно-стями, и над всем этим — вечная крикливая суета портовой жизни, которая не заметила ни Раскола, ни заговора, ни гибели Императора, потому что корабли разгружаются при любом правителе.

Губернатор Гавани, человек с лицом, похожим на печёное яблоко, встретил их на пристани со всеми положенными почестями и с плохо скрытым ужасом на лице.

— Ваша светлость... господа... — бормотал он, склоняясь в поклонах. — Всё, что прикажете. Корабль, команда, провизия. Только... — Он понизил голос, косясь на море. — Только вы знаете, куда идёте? За Штормовую стену не ходит никто. Последние три судна, которые рискнули, были лучшими на побережье. Ни обломка

не вернулось.

— Нам нужен лучший капитан, — сказал Йе Хань. — Тот, кто не побоится пойти туда, откуда не возвращаются.

Губернатор вздохнул.

— Это... довольно опасная просьба.

— Мы необычная экспедиция, — любезно сказал Чэнь Лэй.

В конце концов губернатор развёл руками и, понизив голос ещё сильнее, назвал имя, которое явно не любил произносить вслух:

— Солёная Хэ. Только она. Больше никто.

** * **

Солёная Хэ оказалась женщиной лет шестидесяти, низкорослой, плотной, с лицом цвета старой кожи и руками, на которых не хватало двух пальцев. Она сидела на перевёрнутой бочке на самом краю самого дальнего причала, чинила сеть, и когда они подошли, даже не подняла головы.

— Знаю, зачем вы пришли, — сказала она вместо приветствия. — Весь порт знает. Девочка из-за стены. Говорят, там остров. Говорят, вы собираетесь на него.

— Собираемся, — подтвердил Йе Хань.

— Хорошо. — Она перекусила нитку зубами. — Я отведу вас. Не за деньги. Деньги мне ни к чему: у меня трое сыновей, все на берегу, и три внука, и оба зятя тоже вор-

чат. — Она наконец подняла глаза, и они оказались цвета морской воды в пасмурный день — серо-зелёные, холодные, невозмутимые. — За одно условие.

— Какое?

— Если вы не вернётесь — я не вернусь тоже.

Су Юэ нахмурилась.

— Мы не можем просить вас...

— А вы и не просите. — Хэ смотрела на неё так, как смотрят на ребёнка, который собрался переплыть реку. — Я хожу по морю сорок один год. Тридцать из них — вдоль берега, десять — туда, где вода меняет цвет. Один — за стеной.

Наступила тишина. Даже чайки на причале, казалось, замолкли.

— Вы были за стеной? — медленно переспросил Лин Фэн.

— Двенадцать лет назад. — Хэ положила сеть на колени. — Не по своей воле. Нас унесло штормом. Мы шли за косяком, а потом море встало дыбом, и пошла вода такой высоты, что я думала — умру. Очнулась уже внутри. — Она помолчала. — Там тихо. Невозможно тихо. Небо — такое синее, что глаза болят. Я видела остров. Белый. Далеко. Пока думала, подходит или нет, подул ветер. Не наш — чужой. Холодный. И он выдул нас обратно, как пыль. Все, кто был на борту, вернулись. Только вот ни один из них потом не мог спать.

Я сама первые года три видела это небо каждую ночь. И знаете, что я поняла?

— Что? — спросила Цин Мяо — тихо, но так, что все повернулись к ней.

Хэ посмотрела на девушку, и в её лице что-то смягчилось, как смягчается соль на ветру.

— Что такое небо не бывает довольным просто так, — сказала она. — Его кто-то кормит.

Цин Мяо побледнела.

— Прошу вас, — прошептала она. — Не говорите этого вслух.

— Почему?

— Потому что в Доме Лазури за такие слова... — Она не договорила.

Солёная Хэ кивнула, словно получила ответ на давно мучивший вопрос.

— Значит, оно того стоит, — сказала она и встала. — Отплываем завтра на рассвете. «Ласточка» — единственный корабль, который выдержит. У него тройная обшивка и киль из дерева, срубленного на юге Пустоши Пепла, когда ещё жили те, кто знал заклинания для дерева. Не спрашивайте. Просто не говорите моряку, что он плывёт на «Ласточке», он будет петь всю дорогу.

— Почему? — не удержался Чэнь Лэй.

— Потому что он в неё влюблён, — серьёзно ответила Хэ. — И никому не объяснишь, что это корабль, а не

жена.

** * **

В ту ночь, последнюю перед отплытием, никто не спал.

Йе Хун долго стоял у борта «Ласточки» — низкого, широкого корабля с тремя мачтами и носом, вырезанным в форме морской птицы, — гладил рукой тёмное дерево и думал о чём-то своём. Чэнь Лэй, усевшись на бухту каната, уплетал жареных осьминогов, купленных на ночном рынке, и при этом умудрялся рассказывать Цин Мяо историю про своего дядю и сорняки. Су Юэ раскладывала по ящикам снадобья, на каждом аккуратно выводя название и срок годности. Лин Фэн, до сих пор не примирившийся с самой идеей моря, сидел на корме, вонзив меч в доски палубы, и смотрел на звёзды с видом человека, привязывающего себя к единственной неподвижной вещи.

Йе Хань поднялся на мостик, где в темноте горела одна-единственная лампа. Там, склонившись над картой — вернее, над куском выцветшей кожи, на котором чьей-то неумелой рукой были нанесены береговые линии, — сидела Солёная Хэ.

— Не спится, мастер Йе? — спросила она, не оборачиваясь.

— Нет.

— Тогда садитесь. — Она подвинула ему табурет. —

Вот. Смотрите.

Карта была подробной до южного края, а дальше шла пустота — несколько линий, обозначающих течения, и в самом центре, очерченный жирным кружком, значок, похожий на крошечное зеркальце.

— Я нарисовала это по памяти, — сказала Хэ. — Двенадцать лет назад. Остров должен быть здесь. — Её палец с обручком коснулся кружка. — Стена вокруг него — вот здесь, широким кольцом. Шторм возвращается против солнца. Если идти против его хода, можно прорваться в центр за три дня. Если по ходу — в течение недели вас раздавит.

— Три дня?

— Три дня ада, — уточнила она. — Не обещаю, что все выживут.

— Значит, нужно, чтобы выжили.

Хэ посмотрела на него долгим, оценивающим взглядом.

— Знаете, мастер Йе, — сказала она наконец, — вы не похожи на тех, о ком говорят. Говорят, вы можете разбить небо. А вы сидите здесь, на моём мостике, и просите, чтобы все выжили. Это странный вид силы.

— Это единственный вид силы, который я умею.

Хэ улыбнулась — коротко, почти невидимо.

— Тогда, думаю, мы справимся.

Йе Хань вернулся на палубу. Над портом висела тём-

лая звёздная тьма, и где-то вдалеке, за линией волн, за границей видимого, ему показалось, что он различает тонкую, едва заметную нить света — не зарево, не отблеск, а именно нить, как трещинку на чёрном стекле. Она пульсировала.

Раз. Пауза. Раз.

Он положил ладонь на кольцо — и оно ответило ему ровным, глубоким теплом.

Ты тоже слышишь, — сказал дух, и в голосе его не было ни тени насмешки. — Хорошо. Значит, нам нечего скрывать друг от друга. Пойдём, мальчик. Посмотрим, что за небо там кормят.

Глава 3

Штормовая стена

** * **

Море оказалось именно таким, каким его описывала Солёная Хэ, — и всё же совсем другим.

Первые два дня «Ласточка» шла вдоль берега под тугими парусами, и это было даже приятно: тёплый ветер, брызги, чайки, провожавшие корабль до самого горизонта, запах водорослей и нагретой смолы. Чэнь Лэй облазил всё судно от киля до верхушки мачты, переснакомился с командой — двадцатью тремя молчаливыми моряками, которых Хэ набирала годами и которые за это время ни разу не спросили, зачем им платят вдвое больше обычного, — и к вечеру второго дня уже научил

боцмана игре в кости, в которой тот немедленно проиграл жалованье за месяц вперёд.

Лин Фэн всё это время лежал на палубе в тени грот-мачты, закрыв глаза, и тихо, по слогам, читал себе вслух первые наставления клана Ветра.

— «Меч — это не железо, меч — это намерение, — бормотал он. — Намерение не знает качки. Намерение не знает качки. Намерение...»

— Знает, — не выдержал Йе Хун, присаживаясь рядом на корточки. — Ещё как знает. Вот, возьми.

Он протянул мечнику маленький пузырьёк из тёмного стекла. Лин Фэн приоткрыл один глаз.

— Что это?

— От Су Юэ. Она сказала, что это не лекарство, а «честное поражение на пять часов».

— Я не нуждаюсь...

— Лин Фэн. — Йе Хун вздохнул. — Я два года пытался перебить тебя в поединке. Я не хочу, чтобы тебя перебило море. Выпей.

Мечник молча выпил. Лицо его через несколько минут перестало быть зелёным и стало просто бледным, и он даже сумел сесть, прислонившись спиной к мачте.

— Благодарю, — сухо сказал он. — Это не умаляет моего права на реванш.

— Разумеется, — серьёзно согласился Йе Хун.

На третий день пейзаж за бортом потерял последние

признаки суши. Не осталось ни чаек, ни дальних парусов, ни скал — только тёмно-синяя вода, поднимающаяся длинными, ленивыми, как дыхание великана, волнами. Небо над ними стало серым, ровным, будто натянутым, и ветер вдруг изменился: из тёплого превратился в тяжёлый, сырой, пахнувший чем-то чужим, вроде железа и озона.

Пепельный камень на поясе Ёе Ханя начал темнеть. Он не вспыхнул, как у Летнего Дозора, — потемнел медленно, как темнеет небо перед грозой. Серая поверхность наливалась багрянцем, пока тёмно-красная прожилка внутри не стала толщиной в палец. Ёе Хань достал камень, разжал ладонь и показал Су Юэ.

— Это от шторма? — спросила она тихо.

— Нет, — ответил он. — Это от чего-то рядом со штормом.

От чего-то под ним, — поправил Тень Сюань. Дух сегодня проснулся рано и теперь внимательно, с несвойственной ему серьёзностью, вглядывался сквозь глаза Ёе Ханя в горизонт. — Присмотрись. Чувствуешь, как стена вращается?

Ёе Хань прищурился.

На северо-западе, на том месте, где серое небо смыкалось с серой водой, поднималась темнота. Не туча — она была слишком ровной, слишком вертикальной, слишком неподвижной в своей стремительной подвижности. Вы-

сокая, как гора, она уходила от моря до самого неба, и по её поверхности медленно, неуклонно, против хода солнца, шло вращение — как по поверхности исполинского колеса. Время от времени внутри этой стены вспыхивали молнии, но не обычные, зигзагами, а длинные дуги, сплетающиеся в одну светящуюся сеть.

— Штормовая стена, — коротко сказала Хэ, появляясь рядом с Йе Ханем. Она держала руки в карманах плаща и смотрела на тьму с тем особым спокойствием, с каким люди смотрят на старых врагов. — Последний день тихой воды. Завтра в это время мы будем внутри или на дне.

— Вы уверены, что это обычный шторм? — спросил Йе Хань.

— Обычные штормы не вращаются против солнца многие тысячи лет подряд, — сухо ответила Хэ. — Я не маг, мастер Йе, и о ваших печатях понятия не имею. Но я чувствую, когда море чем-то управляют. Эта стена — не природа. Это дверь, которую заперли и поставили стражу.

Цин Мяо, стоявшая чуть поодаль, вздрогнула.

— Вы правы, — прошептала она. — Это Стена Тишины. Её поддерживают Хранители каждое новолуние. Они поют ей. Десять тысяч лет, поколение за поколением. Я сама пела ей два года, как младшая послушница, пока меня не увели в Дом Девы.

— Поют? — переспросил Чэнь Лэй, оборачиваясь от поручня, у которого проверял крепление лодок. — Бурю?
— Не бурю. Тишину. Песня тишины заставляет шторм кружить вокруг острова, а не над ним. Без неё...
— Без неё остров лежит под открытым небом, — закончил Йе Хань. — И все его видят.

Цин Мяо кивнула.

— А снаружи видят только стену. И боятся.

Вот почему никто никогда не возвращался, подумал Йе Хань. Не потому, что остров прячет чудовищ. А потому, что его надёжно прячут от всего мира. И он спросил себя, чего так боятся Хранители, что десять тысяч лет подряд держат в океане вращающуюся стену.

* * *

Ночью, когда на «Ласточке» погасили все огни, кроме одного, на корме, Йе Хань долго стоял у борта и глядел на чёрную линию позади корабля.

Что-то в ней было не так. Он не сразу понял, что именно. Потом заметил: далеко-далеко за кормой, почти на пределе зрения, где небо едва отличалось от воды, горела крошечная красная точка. Неподвижная. Затем — исчезла. Через минуту вспыхнула снова — на три пальца левее.

— Огонь, — тихо сказал он.

Рядом возникла Су Юэ — бесшумно, как всегда, в ночной накидке поверх рубахи.

— Корабль?

— Не знаю. Лампа, которую то закрывают, то открывают.

— Сигнал?

— Или осторожность. Тот, кто идёт следом и не хочет, чтобы его видели.

Они постояли молча. Огонь за кормой не появился.

Хуэй Ша не мёртв, — сказал вдруг Тень Сюань, и обе руки Йе Ханя, лежавшие на планшете, сжались сами. — Я не знаю, он ли это. Но такие огни — их манера. Они любили смотреть издалека.

— Кси Юнь нашла его печать на теле.

Печать можно оставить на любом теле, мальчик. Особенно если у тебя есть лишнее.

Йе Хань стиснул зубы. Что-то давно знакомое — не страх, а раздражение человека, которому показали старую, уже сданную в архив ошибку, — шевельнулось в груди.

— Скажи остальным.

— Скажу, — кивнула Су Юэ. — Но нужно ли что-то менять?

— Нет, — после паузы признался он. — Они всё равно пойдут за нами. Если корабль в самом деле там — значит, он идёт туда же, куда и мы. И у Мо Чана хватило бы людей, чтобы продолжить дело, даже если сам он умер.

*Су Юэ взяла его за руку и коротко сжала.
— Тогда сначала остров. Потом — они.*

** * **

*Утро встретило «Ласточку» пятью баллами штора-
ма и мрачным лицом капитана.*

*— Закрепить всё! — гремела Хэ, расхаживая по палу-
бе в вощёном плаще. Голос её, обычно ровный, теперь ру-
бил воздух, как топор. — Всё, что не привязано, станет
оружием! Мальчишки на рее — вниз, живо! Кто видит
воду — докладывает! Кто видит землю — молчит! Не
сообщать, чтобы не сглазить!*

*Стена росла на глазах. Теперь она занимала полнеба
— тёмная, живая, с грохотом, от которого вибрировали
рёбра. Волны перед ней поднимались всё выше, шли уже
не ленивыми валами, а косыми острыми холмами с бе-
лыми гребнями, и «Ласточка» то взлетала на них, то
ныряла вниз, оставляя желудок где-то на предыдущем
гребне.*

*Лин Фэн на этот раз не лежал. Он стоял, привязан-
ный к грот-мачте двойным узлом, с полужакрытыми
глазами и мечом в руках, и шептал что-то беззвучное.
Йе Хун держал руль вместе со старшим рулевым, упер-
шись ногами в палубу так, что дерево под сапогами чуть
прогнулось. Чэнь Лэй носился от борта к борту, подхва-
тывая тех, кого сносило, — он единственный на корабле
не расстался с шутками, но это были уже шутки-вопли,*

надрывные и бодрые:

— Держись! Это просто вода! Много воды! Очень много! Но вода!

Су Юэ обходила трюм, раздавая морякам пилюли — «Не героизм, а равновесие», как она их называла, — и по лицам тех, кто глотал, было видно, что страх в них гаснет, как свеча в закрытой банке.

Йе Хань стоял на носу вместе с Цин Мяо и Хэ.

— Стена не пропускает силой, — крикнул он, перекрывая рёв ветра. — Верно?

— Не пропускает вообще! — откликнулась Цин Мяо. Она схватилась за леер обеими руками, мокрые волосы облепили лицо, а синяя трещина на ладони горела так ярко, что свет пробивался сквозь пальцы. — Только если поёшь! Но я одна не спою... нужно всех Хранителей...

— Не надо песен, — сказал Тень Сюань.

Он проявился над кольцом, и на этот раз не прозрачным дымом, а чётче, плотнее — ветер не разметал его, словно дух был частью самой бури. Его одежда колыхалась, глаза горели звёздной пустотой.

— Песня тишины — человеческое изобретение, — продолжил он, и голос его, не заглушаемый грохотом, шёл прямо в разум каждого на носу. — Его придумали Хранители, чтобы управлять печатью, смысла которой не понимают. Но шторм держится не на песне. Он держится на том, что старше песни. На рисунке. Помнишь,

мальчик, что мы видели на ладони у девочки?

— Узор.

— Он здесь. Вся стена — один узор. Видишь? — Дух указал на рвущуюся молниями тьму. — Эти дуги не случайны. Они повторяют каждую линию у неё на руке. Она — ключ. И ты, с кольцом, — ключ. Вместе вы — дверь. — Что делать?

— Положи руку ей на ладонь. Обе вместе — на воду.

Йе Хань не задавал лишних вопросов. Он встал на колени у самого носа, где тяжёлые волны то и дело перехлёстывали через борт, протянул левую руку, и Цин Мяо, не колеблясь, вложила в неё свою. Кольцо вспыхнуло золотом, трещина — лазурью, и два света сплелись в одну дугу.

— Теперь вниз, — приказал дух. — К воде.

Они вдвоём опустили сцепленные руки за борт. Море лизнуло пальцы холодом, от которого свело кисть, — и в ту же секунду всё изменилось.

Грохот оборвался.

Не затих — оборвался, как нить. Где только что рвал воздух ураган, вдруг стало тихо до звона в ушах. Волны замерли. Молнии застыли в небе, как нарисованные. Корабль повис на водяном склоне, чуть накренившись, и каждая капля, летящая над палубой, остановилась, сверкая, в воздухе.

А потом тьма впереди разошлась.

Не рассеялась — именно разошлась, как занавес: две исполинские стены вращающегося мрака отодвинулись друг от друга, оставляя между собой коридор шириной в сотню чжсанов. Внутри этого коридора вода была абсолютно ровной и абсолютно чёрной, как полированный обсидиан, а в конце его брезжил слабый, нежный свет.

— Ох, — только и смог выговорить Чэнь Лэй.

*— На вёсла! — закричала Хэ, мгновенно придя в себя.
— Все на вёсла! Ветра не будет! Давайте!*

«Ласточка» двинулась вперёд — медленно, тяжело, на двадцати четырёх вёслах, которые разом легли в воду и пошли в такт. Капли, застывшие в воздухе, одна за другой начали падать на палубу, будто время, споткнувшись, решило догнать самого себя.

Коридор тянулся и тянулся. Стены шторма с обеих сторон вращались так близко, что было слышно, как внутри них шипит и трещит электричество; брызги летели на борт, но не мокрые, а холодные, как иголки льда. Йе Хань всё время держал руку Цин Мяо в воде, чувствуя, как её пальцы дрожат, а печать на ладони выкачивает из неё силы быстрее, чем она успевает их восстанавливать.

— Держись, — шептал он.

— Держусь, — отвечала она сквозь зубы. — Только... скажите... я сейчас упаду...

Су Юэ бросилась к ней и подхватила её сзади под мыш-

ки.

— Я здесь. Пей.

Они втроём стояли на коленях у самого носа, мокрые насквозь, и Йе Хань вдруг понял, что от напряжения у него идёт кровь носом.

И в этот момент Лин Фэн закричал.

— Человек за бортом!

Йе Хань обернулся.

Один из гребцов — молодой матрос Сяо Ци, тот самый, которого Чэнь Лэй обыграл в кости, — потерял равновесие, когда корабль качнуло на кромке коридора, и вылетел за борт. Он не упал в воду: его подхватила боковая волна из чёрного шторма, сорвала с борта и потащила прочь, в сторону вращающейся тьмы.

Лин Фэн даже не успел развязать узел на мачте. Он просто перерезал его мечом — одним коротким движением, вопреки всем наставлениям о том, что мечом режут только врагов, — и прыгнул.

Клинок рассёк воздух. Мечник на мгновение завис над водой, как будто сам ветер подхватил его — а потом в его руке оказалась верёвка с узлом, брошенная кем-то с палубы, и он, не оглядываясь, метнул её вперёд.

Верёвка обвилась вокруг запястья Сяо Ци.

— Тяните! — рявкнул Йе Хун, бросаясь к борту, и десять рук разом вцепились в канат.

Лин Фэн повис на самом краю, одной рукой сжимая

борт, другой удерживая матроса за ворот. По его лицу текла вода, зелёное лицо стало белым, потом серым, потом вдруг — неожиданно для всех — он расхохотался.

— Я не чувствую качки! — прокричал мечник, перебивая рёв. — Чэнь Лэй, ты слышишь?! Я не чувствую качки!

— Слышу! — ответил Чэнь Лэй, затаскивая Сяо Ци через борт. — Поздравляю! Теперь тебе осталось только перестать быть мертвенно-бледным, и мы вернёмся к приличиям!

Лин Фэн вскарабкался на палубу, с трудом стоял на ногах, но в глазах его горело что-то новое — азарт, смешанный с облегчением.

— Страх воды — как страх клинка, — выдохнул он. — Пока ты избегаешь — он растёт. Стоит шагнуть навстречу — исчезает.

— Запиши, — предложил Йе Хун. — Для учеников клана Ветра. «Лечение морской болезни: прыгни за борт».

— Только если перед этим тебя спасает рулевой, — усмехнулся Лин Фэн, и эта усмешка, мимолётная, настоящая, показалась Йе Ханю самой тёплой, какую он видел на лице мечника за все годы.

Они прошли коридор за три часа.

Когда нос «Ласточки» наконец пересёк последнюю ли-

нию вращающейся тьмы, а стены шторма сомкнулись позади с глухим выдохом, словно огромный зверь закрыл пасть, Йе Хань вынул руку из воды и почувствовал, что едва может согнуть пальцы.

Цин Мяо лежала на палубе, закрыв глаза. Су Юэ склонилась над ней, считая пульс.

— Она в порядке. Просто истощена. Печать... — Алхимик нахмурилась, рассматривая мерцающую трещину на ладони девушки. — Печать как будто жрёт её изнутри. Каждый раз, когда она ею пользуется. Это ненормально. Это значит, что на острове с ней что-то делают постоянно, не только в день ритуала.

— Потом, — сказал Йе Хань. — Сначала посмотрим, что там.

Он выпрямился, опираясь на мачту, и поднял голову.

Над «Ласточкой» не было больше ни туч, ни ветра, ни дождя. Над ними раскинулось небо — совершенно чистое, до боли яркое, абсолютно синее. Такого цвета не бывало ни на западе, ни на востоке, ни над самыми высокими перевалами Ледяных хребтов. Это был не цвет — а состояние: густое, бархатное, глубокое, как вода в бездонном колодце. Лазурь. Подлинная лазурь, о которой он слышал только в песнях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.